
*В. МАУ,
профессор, доктор экономических наук,
ректор АНХ при Правительстве РФ*

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РОССИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Осуществление базовых рыночных преобразований и завершение посткоммунистической трансформации ставят на повестку дня вопрос о существовании и характере дальнейшего развития России, о стратегических целях экономической политики страны. Тем самым мы фактически подходим, наконец, к пресловутому (и порядком дискредитированному) вопросу о национальной идее после падения коммунизма. Ведь само по себе преодоление наследия коммунизма не может рассматриваться как стратегическая цель развития. Решение задач посткоммунистического развития является лишь предпосылкой, позволяющей сконцентрировать внимание общества на стратегических целях. И если для стран Центральной и Восточной Европы такая цель с самого начала была достаточно очевидной – превращение в органичную часть объединенной Европы, вступление в европейские (и вообще западные) институты – ЕС, НАТО, ВТО, ОЭСР, то принципиальные ориентиры трансформации России до последнего времени оставались предметом не только острых дискуссий, но и острой политической борьбы.

В 1980–1990-е годы Россия столкнулась с системным кризисом, охватившим все сферы жизни – экономику, политику, идеологию. По существу, в стране одновременно протекало несколько хотя и взаимосвязанных, но все же существенно различающихся кризисных процессов. Россия прошла через длительный макроэкономический кризис, через системную трансформацию коммунистических институтов в институты рыночной демократии. Процессы трансформации происходили в форме полномасштабной социальной революции, то есть сопровождалась сломом институтов государственной власти, которая на время потеряла контроль за развитием ситуации в стране¹.

Однако все эти подвижки при всей их важности лишь “обволакивали” более глубокие процессы, с которыми столкнулась страна и

¹ Подробнее см.: Мау В. Экономико-политические итоги 2001 года и перспективы устойчивого экономического роста. – Вопросы экономики, 2002, № 1.

которые привели к ее кризису. В последней трети минувшего столетия перед Советским Союзом в полный рост встали проблемы кризиса индустриального общества. Как показывает опыт западных стран 1970-х годов, преодоление порога между индустриальным и постиндустриальными обществами сопровождается тяжелыми структурным и макроэкономическим кризисами. СССР, благодаря выгодной внешнеэкономической конъюнктуре, смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной. Структурный кризис советской хозяйственной системы, который в полной мере выразился в масштабном спаде уже российской экономики, стал проявлением тех же процессов, что на Западе происходили на полтора-два десятилетия раньше².

Заметим, что благоприятная конъюнктура цен на энергоносители не только позволила несколько отсрочить начало структурной адаптации советского общества, но стала и фактором его дестабилизации. СССР попытался совершить рывок, не отставать от трансформировавшегося Запада. Но этот рывок в технологиях не был подкреплен адаптацией институтов, что привело лишь к взрыву системы.

Отправной точкой для нашего анализа является достаточно очевидный тезис о том, что в последней трети XX в. СССР столкнулся с кризисом индустриальной системы и в настоящее время перед Россией стоит задача продвижения в направлении постиндустриального общества. Поскольку же имеет место существенное технологическое и экономическое отставание России от наиболее передовых стран (что измеряется показателями среднедушевого ВВП или производительности труда), то перед нами со всей остротой встает проблема преодоления этого разрыва, или *догоняющего развития*.

Таким образом, на рубеже XX-XXI веков Россия столкнулась с вызовами, схожими с теми, которые стояли перед ней на рубеже XIX-XX вв. Впрочем, в отличие от ситуации столетней давности, в настоящее время поднимается вопрос не о догоняющей индустриализации³, а о догоняющей *постиндустриализации*. Именно в этом состоит ключевая долгосрочная проблема развития российского общества. И именно решение задачи сокращения и преодоления отставания от наиболее развитых стран мира может и должно стать центральной идеей, объединяющей общество, его элиту и различные группы интересов.

Мы должны с самого начала ограничить объект нашего исследования именно проблемами *специфики* догоняющего развития в индустриальном и постиндустриальном мире. Хотя термин “догоняющее развитие” не вполне удачен. Он неточно характеризует характер задач,

² Подробнее см.: Bauman Z. A Post-Modern Revolution? – From a One-Prty State to Democracy. Amsterdam : Rodopi, 1993; Rosser J., Rosser M. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collaps of Soviet-Block Socialism. – Review of Political Economy, 1997, vol. 9, No 2.

³ Вопросам догоняющего развития посвящена обширная литература, причем в определенные периоды XX в. они привлекали особое внимание исследователей. Однако практически все работы до настоящего времени были посвящены проблемам индустриализации традиционных (аграрных) обществ. Подробнее см.: Нуреев Р. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: Инфра-М, 2001.

которые должна решать страна. Экономическая история свидетельствует, что преодоление отставания, выход на передовые экономические рубежи требует не повторного прохождения всех стадий технического прогресса, характерных для развитых стран, но социально-экономического прорыва, основанного на усвоении и переработке технологического, социального, организационного опыта, накопленного развитыми странами⁴. Строго говоря, точнее говорить не о догоняющем развитии, а о *стратегии прорыва*. Однако менее всего здесь хотелось бы начинать терминологическую дискуссию. Поэтому будем использовать более или менее устоявшийся термин, принимая во внимание его неточность.

Догоняющее развитие как исторический феномен

Догоняющее развитие имеет смысл, естественно, лишь в контексте социально-экономической отсталости. Тем самым необходима хотя бы краткая характеристика этого феномена. Прежде всего следует подчеркнуть, что понимание отсталости имеет смысл только в историческом контексте. Причем историзм этого понятия определяется, по крайней мере, тремя аспектами.

Во-первых, социально-экономическое отставание можно рассматривать лишь применительно к эпохе экономического роста, то есть начиная примерно с конца XVI в. Разумеется, и применительно к более ранним эпохам можно было говорить о более высоком или менее высоком уровне развития того или иного народа (государства), однако в условиях общей стабильности и отсутствия сколько-нибудь значимых социально-экономических или технологических изменений на протяжении длительного периода времени (измеряемого столетиями) проблема преодоления отсталости решалась достаточно легко – путем простого восприятия достижений более развитого народа менее развитым. Решающую роль в этом играли завоевания, причем их направленность существенного значения не имела: римляне многое заимствовали из завоеванной ими Греции, а затем передали свою культуру варварам.

И совсем по-другому стоит задача, когда имеет место экономический рост, изменяющий условия жизни практически каждого поколения людей. Здесь догоняющая страна должна не просто развиваться, но развиваться быстрее передовой. Кроме того, недостаточно просто воспринимать и адаптировать достижения последней, поскольку такой путь в лучшем случае позволит не увеличивать разрыв, но искать и находить способы (институты, механизмы), не известные более развитой стране. В этом состоит первое правило догоняющего развития – *нельзя просто следовать путем наиболее развитой страны*.

Во-вторых, проблема отставания возникла лишь на определенном этапе роста, когда произошла дифференциация отраслей и стало ясно,

⁴ Perez C., Soete L. Catching-up in technology. In: Dosi G. et al. (eds.). Technical Change and Economic Theory. London and New York, Pinter, 1988.

что разные сектора экономики вносят неодинаковый вклад в укрепление экономической (следовательно, и политической, и военной) мощи данной страны. Это не было очевидным практически вплоть до XIX в. Во всяком случае, для А. Смита проблема отставания выступает лишь как количественная, но не структурная. Как известно, А. Смит не видел особой роли промышленности; для него приоритетной отраслью было сельское хозяйство. И это неудивительно, потому что в его эпоху именно аграрные монархии являли собой образцы наиболее сильных и процветающих государств. И именно поэтому А Смит считал необходимым проводить такую экономическую политику, которая обеспечивала бы развитие в каждой стране тех секторов, где есть сравнительные преимущества в международном разделении труда. Именно максимально эффективное раскрытие внутренних ресурсов страны представлялось ему главным условием благополучного развития. Эти рекомендации были, таким образом, практически полностью лишены структурного компонента, тех или иных отраслевых приоритетов. Лишь XIX век продемонстрировал, что проблема отставания является в значительной мере структурной, то есть предполагает выделение передовых отраслей и секторов на данной фазе экономического развития. Отсюда следует второй урок: *догоняющее развитие всегда предполагает проведение глубоких структурных реформ.*

В-третьих, характеристики отставания существенно различаются на разных этапах технологического развития цивилизации. Понятие передовой и отсталой отрасли меняется по мере развития общества. Одна и та же отрасль может из важнейшей предпосылки роста становиться его тормозом (классическим примером является история угольной промышленности). Но в самом общем виде здесь имеет смысл говорить о различии между пониманием отсталости в индустриальном обществе (в сравнении с традиционным) и в постиндустриальном обществе (в сравнении с индустриальным). Именно поэтому возможно и вполне естественно не только превращение отсталой страны в передовую, но и передовой страны в отсталую.

Отставание страны может характеризоваться как количественными, так и качественными индикаторами, причем исключительно важна их взаимосвязь. Наиболее общими количественными характеристиками уровня социально-экономического развития являются, естественно, показатели среднедушевого ВВП – его абсолютный уровень и темпы роста.

Впрочем, среднедушевой ВВП – это не только количественный, но прежде всего синтетический качественный показатель. Достигнутые уровни ВВП отражают определенные этапы в развитии данной страны и ее хозяйства, поскольку однотипные страны характеризуются сопоставимым уровнем среднедушевого ВВП. Можно выделить несколько интервалов, каждому из которых соответствует определенный уровень социально-экономического развития: аграрная монархия; индустриальное общество с доминированием промышленности и авторитарными тенденциями в политической жизни; современная рыночная демократия с преобладанием постин-

⁵ Об исключениях (страны Персидского залива) подробнее см.: Huntington S. *The Third Wave*. Norman - London: University of Oklahoma Press, 1991.

дустриальных черт. Бывают и исключения⁵, но анализ данных исторической статистики убедительно показывает, что при прочих равных условиях сопоставимые уровни среднедушевого ВВП (разумеется, с учетом ППС) свидетельствует о принципиальной схожести их социально-экономических и политических структур. Нетрудно заметить, что здесь отчетливо выделяются три группы стран: с уровнем среднедушевого ВВП ниже 1,5 тыс. долл., 2–6 тыс. и выше 10 тыс. долл., причем в странах с уровнем ВВП 1,3–1,5 и 5–6 тыс. долл. на душу населения, как правило, наблюдаются интенсивные трансформационные процессы⁶.

Отставание может характеризоваться нахождением ВВП страны в более низком по сравнению с наиболее развитыми (передовыми) странами интервале: по уровню экономического, социального и политического развития страна существенно отстает от передового уровня данной эпохи. В то же время наблюдается значительный разброс в рамках каждого из этих интервалов (особенно верхнего). Однако количественные расхождения стран, находящихся в одном и том же верхнем интервале, не говорят однозначно о превосходстве одной страны над другой: здесь если и имеет смысл говорить о задачах догоняющего развития, то преимущественно с точки зрения преодоления количественного и в меньшей степени качественного (структурного) разрыва. В рамках одного интервала могут происходить различные подвижки и перегруппировки, однако они не обязательно отражают существенные качественные сдвиги. Важно лишь, чтобы темпы роста этих стран оставались сопоставимыми друг с другом в среднесрочном периоде.

Но чисто количественные изменения в показателях уровня экономического развития (включая ВВП) нельзя абсолютизировать еще и потому, что *серьезные структурные сдвиги могут сопровождаться падением производства*. Напротив, рост объемов производства, даже некоторое ускорение темпов роста может происходить и в условиях начинающегося экономического кризиса. Примером тому может служить опыт позднего СССР: в 1970-е годы количественные показатели роста были хотя и невысокими, но выглядели вполне прилично на фоне стагфляции в западном мире, а после провозглашения политики “ускорения” темпы роста в 1987–1988 гг. даже несколько возросли⁷. Однако несмотря на статистическое “благополучие” углублялось качественное отставание от Запада и нарастание системного кризиса советского коммунизма⁸.

Для характеристики происходящих в стране процессов (преодоления или сокращения разрыва) могут также использоваться специфические индикаторы, показательные именно для данной фазы социально-экономического развития. Скажем, для периода ранней индустриализации показательными являются количество промышленных предприятий и число занятых на них, применение машин. В эпоху зрелого индустриального общества (когда главным фактором роста эффективности производства была экономия на масштабах) важными индикаторами выступала концентрация капитала и труда, насыщение производства машинами и механизмами, уровень производства угля, чугуна, стали, цемента (в абсолютном выражении и на душу населения). Напротив, в современном раннем постиндустриальном обществе высокий уровень концентрации отраслей, являвшихся предметом гордости индустриальной эпохи, оказывается уже тяжелым бременем (как экономическим, так и социальным), а на передний план

⁵ Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, OECD, 1995.

⁷ Hanson Ph. *From Stagnation to Catastrophe: Commentaries on the Soviet Economy, 1983–1991*. New York, Praeger, 1992.

⁸ Вообще количественный рост без адекватных структурных сдвигов является не таким уж редким явлением. Можно привести множество примеров – от Франции XVIII века до современной Белоруссии.

выходят показатели, характеризующие развитие высоких технологий, темпы обновления производства, уровень развития социальной сферы (особенно образования и здравоохранения) и вообще сферы услуг.

Историческая условность понятия “социально-экономическая отсталость” определяет необходимость конкретного историко-экономического подхода к решению проблем ее преодоления. Достаточно очевидным является наличие нескольких существенно различающихся друг от друга типов растущей экономики и нескольких исторически обусловленных типов догоняющего развития. Выделим пять типов развития и соответственно пять групп задач, стоявших перед правительствами разных стран.

Во-первых, *формирование общих предпосылок экономического роста, переход от стабильной экономики к растущей*. Сюда же относятся и факторы, обуславливающие начало процессов индустриализации.

Во-вторых, *догоняющее развитие в условиях индустриализации*. Речь идет о тех странах, которые вступили на путь индустриализации значительно позже, чем страны-пионеры (Англия, Бельгия) и перед которыми стояли самостоятельные задачи преодоления разрыва в уровнях развития со странами-пионерами. Классическими примерами таких стран являются Германия и Россия, а также отчасти Франция и США.

В-третьих, *переход от индустриального общества к постиндустриальному*. Кризис индустриальной системы – уже довольно хорошо изученный феномен, однако проблемы постиндустриализма до сих пор еще остаются в большей мере предметом исследования историков и политологов (точнее, футурологов), а не экономистов.

В-четвертых, *догоняющее развитие в условиях постиндустриальных вызовов и в направлении постиндустриальной структуры*. Данный феномен присущ странам, которые выходят из традиционной (преимущественно аграрной) социально-экономической системы, прежде всего странам Юго-Восточной Азии – Южной Корее, Тайваню и др.

В-пятых, *догоняющее развитие индустриальной страны, столкнувшейся с постиндустриальными вызовами*. Пока такие примеры единичны, если вообще можно говорить о них как о *реальных* примерах. Но именно к этой категории относится современная Россия. Зрелое индустриальное общество существовало в основном в странах с развитыми демократиями, которые были более восприимчивы к технологическим вызовам времени и в которых кризис индустриальной системы протекал относительно синхронно⁹. Позади остался коммунистический мир, причем с учетом резко возросшей динамики изменений задержка даже в два десятилетия привела к существенному разрыву между посткоммунистическими странами и постиндустриальными пионерами.

⁹ Естественно, о синхронизации здесь можно говорить со значительной долей условности. Очевиден разрыв между США, Германией, Великобританией, Скандинавией, с одной стороны, и Южной Европой (Италия, Испания, Португалия, Греция), с другой.

Особенности анализа догоняющего развития в постиндустриальную эпоху

Существует ряд специфических факторов, существенно затрудняющих анализ догоняющего развития применительно к постиндустриальному миру.

Первое. Постиндустриальное общество находится только в процессе своего становления. Его основные, конституирующие черты, возможно еще не проявились в полной мере. *Пока даже трудно определенно сказать, в какой мере современное общество несет в себе постиндустриальные признаки.* Все же достаточно полное представление об индустриальном капитализме мы получили лишь к началу XX столетия, а отнюдь не на рубеже XVIII–XIX вв., когда новая система отношений только формировалась. Хотя, конечно, работы Т. Мальтуса, Д. Рикардо и К. Маркса, анализировавших именно это общество, представляли несомненный интерес и оказали существенное влияние на дальнейшее развитие экономической мысли. Разумеется, сейчас нет недостатка в сочинениях, посвященных анализу феномена постиндустриализма, однако сама по себе начальная фаза существования этой системы задает крайне жесткие (и очень узкие!) рамки для каких-либо обобщений¹⁰.

Второе. Ситуация усугубляется отсутствием вообще какого бы то ни было опыта догоняющего развития в постиндустриальном мире. То есть *отсутствует сам феномен*, который мы намерены анализировать. Все наиболее успешные примеры догоняющего развития (в том числе и за последние пятьдесят лет) относятся к принципиально иному классу проблем – к трансформации традиционных обществ в индустриальные. Более того, как показывают события последнего десятилетия, пример их индустриального скачка вовсе не гарантирует им успешную адаптацию к вызовам постиндустриальной эпохи. Быстрый рост Японии и стран Юго-Восточной Азии натолкнулся к началу 1990-х годов на серьезные препятствия, связанные как раз с ограниченностью индустриальной модели роста и их неспособностью (во всяком случае, пока) перейти в постиндустриальную систему координат. Можно предположить, что с серьезными проблемами такого же рода столкнется позднее и быстро растущий в настоящее время Китай.

Между тем анализ догоняющего развития должен опираться на значительный практический опыт. Работы А. Гершенкрона, содержащие наиболее развернутый и убедительный анализ догоняющей индустриализации¹¹, стали возможны только благодаря сравнительным

¹⁰ О крайней ограниченности наших представлений о новой системе общественной жизни свидетельствует и сам факт отсутствия у нее собственного (позитивного) устоявшегося названия. Пока его преимущественно называют, противопоставляя предшествующей системе: постиндустриальное, постэкономическое. “Позитивные” названия хотя и выделились (типа “информационное общество” или “network society”), но до сих пор не стали общепринятыми.

¹¹ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard University Press, 1962; Gerschenkron A. Continuity in History and other Essays. Cambridge, Mass., The Belknap Press, 1968; Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror. Four Lectures in Economic History. Cambridge, Cambridge University Press, 1970.

исследованиям конкретных примеров из экономической истории (прежде всего Германии и России). Большинство других работ на эту тему, предлагающих более общие, универсалистские подходы к проблемам догоняющего развития, были написаны уже после выхода в свет трудов А. Гершенкрона¹².

Третье. Сама специфика постиндустриальной системы (в той мере, в какой мы в настоящее время знакомы с ней) приносит дополнительные аналитические трудности. Важнейшей характеристикой этой системы является очевидное усиление неопределенности всех параметров жизнедеятельности общества. Это связано с двумя особенностями постиндустриального общества, радикально отличающими его от общества индустриального. Во-первых, происходит резкое увеличение *динамизма технологической жизни*, что обуславливает столь же резкое сужение временных горизонтов экономического и технологического прогноза. Во-вторых, можно говорить о практически безграничном росте потребностей и соответственно резком расширении возможностей их удовлетворения (как в ресурсном, так и в технологическом отношении). Все это многократно увеличивает масштабы экономики и одновременно резко *индивидуализирует* (можно сказать, приватизирует) ее – как потребности, так и технологические решения становятся все более индивидуальными¹³, что и обуславливает повышение общего уровня неопределенности.

Динамизм предполагает отказ от отраслевых приоритетов, устанавливаемых и поддерживаемых государством. Проблема здесь состоит не в общей неэффективности государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, а в изменении самих принципов функционирования экономической системы. Если в индустриальную эпоху можно было наметить приоритеты роста на 30-50 лет и при достижении их действительно войти в число передовых стран (что и сделали в свое время сперва Германия, а потом Япония и СССР), то теперь приоритеты быстро меняются. Скажем, можно попытаться превзойти весь мир по производству компьютеров на душу населения, разработать программы производства самых лучших в мире самолетов и телефонов, но к моменту их успешного осуществления выяснится, что мир ушел далеко вперед. Причем ушел в направлении, о существовании которого при разработке программы всеобщей компьютеризации никто и не догадывался. Поэтому главными в наступающую постиндустриальную эпоху являются не “железки” (пусть даже и из области пресловутого “хай-тека”), а информационные потоки. Злоупотребление государства пресловутым стратегическим планированием есть “пагубная самонадеянность” (если использовать выражение Ф. Хайека) и может привести лишь к консервации отставания.

¹² Abramovitz M. Thinking about Growth. Cambridge. Cambridge University Press, 1989; Dosi G. et al. (eds.). Technical Change and Economic Theory. London and New York. Pinter, 1988; Cooper C. and Kaplinsky R. (eds.). Technology and Development in the Third Industrial Revolution. London, Frank Cass, 1989; Shin J.-S. The Economics of the Latecomers: Catching-up, Technology Transfer and Institutions in Germany, Japan and South Korea. London and New York, Routledge, 1996.

¹³ “По некоторым оценкам, современное массовое производство в развитых странах составляет уже не более трети всей продукции, остальное приходится на мелко-серийные изделия (от 10 до 2000 штук), ориентированные на вкусы того или иного контингента покупателей, причем значительно сокращается цикл изготовления” (Хорос В. Постиндустриализм – испытание на прочность. В кн.: Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб.: Алетейя, 2000, с. 170).

Тем самым проблема выявления сравнительных преимуществ страны становится гораздо более значимой, чем в условиях индустриализации. Вновь, как и на ранних стадиях современного экономического роста, необходимо отказаться от заранее заданных и предопределенных секторов прорыва и ориентироваться на выявление тех факторов, которые наиболее значимы для данной страны при данных обстоятельствах.

Индивидуализация обуславливает важность децентрализации. Если для индустриального общества важнейшей характеристикой была экономия на масштабах, то в постиндустриальном мире роль ее все более сокращается. Разумеется, там, где остается массовое типовое производство, сохраняется и экономия на масштабах, сохраняется и роль крупнейших централизованных фирм. Но по мере того как на первый план выходят наука и возможности ее практического применения в экономической и социальной жизни снижается и возможность экономии на масштабах, а за этим и соиздательный потенциал централизации. Крах советского строя в значительной мере был связан с тем, что основанная на централизованном принятии решений система оказалась в принципе неспособной решить задачу “превращения науки в непосредственную производительную силу общества”, хотя об этом с 1970-х годов постоянно говорилось на съездах КПСС¹⁴.

Трудности и ограничения, налагаемые сегодняшним состоянием знания (точнее, незнания) природы постиндустриального общества, не следует, впрочем, рассматривать как аргументы в пользу отказа от его изучения или признания принципиальной невозможности проведения государством какой-либо осмысленной политики догоняющего роста. Мы лишь считаем необходимым подчеркнуть, что на нынешнем, начальном этапе формирования новой экономической и технологической системы экономисты и политики должны особенно осторожно относиться к собственным представлениям, так же как и рекомендациям. Пожалуй, можно быть уверенным только в одном: сегодняшние рассуждения и выкладки, какими бы обоснованными они нам не представлялись, в конечном счете (при достижении постиндустриальным обществом состояния зрелости) будут казаться весьма наивными.

Роль государства в решении задач догоняющего развития

С учетом всех перечисленных выше факторов и ограничений можно попытаться сформулировать контуры практической политики, которые обеспечивали бы в настоящее время решение задач догоняющего развития.

¹⁴ Пророчески звучат сегодня слова, написанные в середине 1960-х годов специалистом по кибернетическим системам (и опубликованные в открытой советский печати!): “Система с централизованным управлением отличается большой жесткостью структуры, отсутствием пластичности вследствие того, что приспособление ее к изменениям, как случайным (флуктуации), так и выражающим эволюцию самой системы и окружающей среды, происходит не в отдельных частях системы, а лишь в центральном пункте управления. Централизованное управление позволяет долгое время осуществлять стабилизацию системы, подавляя как флуктуации, так и эволюционные изменения в отдельных частях системы, не перестраивая ее. Но в конечном счете это может оказаться роковым для системы, так как противоречия между неизменной структурой системы и изменениями, связанными с эволюцией, вырастают до глобальных размеров и требуют такой радикальной и резкой перестройки, которая уже невозможна в рамках данной структуры и приводит к ее разрушению (то есть переходу к качественно новой структуре)” (Лернер А. Начала кибернетики. М.: Наука, 1967, с. 287).

Традиционно политика догоняющего развития предполагает выполнение государством специфических функций, которые, собственно, и делают возможным преодоление разрыва с более развитыми странами. Вопрос о роли государства всегда вызывал особенно острые дискуссии, поскольку всегда выходит за рамки теоретической полемики и непосредственно отражает политическую борьбу, ведущуюся во всяком обществе, осознающем проблему своей отсталости и не желающем смириться с подобным положением дел. По нашему мнению, базовые ориентиры (методологические принципы) исследования данной проблемы содержатся в работах А. Гершенкрона, хотя они (эти ориентиры), естественно, должны претерпеть существенную трансформацию, чтобы стать приложимыми к проблемам развития современного общества.

Гершенкрон выделяет два аспекта деятельности государства в догоняющем обществе – “негативный” и позитивный¹⁵. Если первая группа факторов создает общую основу для структурной трансформации и ускоренного экономического роста, то вторая представляет собой набор социально-экономических обстоятельств, трансформирующих рост из принципиально возможного, потенциального в реальный.

“Негативная” роль государства, по Гершенкрону, состоит в ликвидации препятствий к экономическому росту: создание благоприятной среды, снятие институциональных ограничений, обретение страной политической стабильности. Конкретный набор действий зависит здесь от обстоятельств исторического развития страны, от наличия или отсутствия факторов, сковывающих экономическое развитие на данном уровне развития производительных сил. Причем очень часто речь идет об обстоятельствах, ранее созданных самим же государством”¹⁶.

К “позитивным” предпосылкам относится комплекс специальных мер по стимулированию ускоренного развития. Они не менее разнообразны и по сути выступают как определенные институты, обеспечивающие экономический рост. В разных странах и в разные эпохи важнейшими для роста институтами могли быть инвестиционные банки (в Германии) или прямое государственное участие в экономической жизни (в России конца XIX – начала XX вв.).

Разграничение “позитивных” и “негативных” факторов принципиально важно для понимания особенностей выполнения государством своей роли в различных экономико-политических обстоятельствах. Набор мер, который характеризуется как “негативный”, вполне сопоставим – как в странах-пионерах экономического роста, так и в странах догоняющего развития (разумеется, речь идет о сопоставимости применительно к одному и тому же этапу развития общества и научно-технического прогресса). Государство должно обеспечивать базовые предпосылки для роста, навсегда ликви-

¹⁵ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays, p. 19.

¹⁶ Например, к “негативным” предпосылкам роста относится проведение аграрной реформы в Германии или великие реформы Александра II, дополненные финансовыми реформами Александра III.

дировав те препятствия, которые стоят на пути экономического прогресса на данном этапе развития науки и техники.

Другое дело – “позитивная” роль. Она, по Гершенкرون, в разных странах при решении ими схожего круга задач (скажем, индустриализации) чрезвычайно различалась. Государство не сыграло существенной роли в обеспечении роста в странах – пионерах индустриализации; его значение было достаточно ограниченным при догоняющей индустриализации Германии и Японии; и, наконец, государственная политика была исключительно важна для России первой половины XX в., как впоследствии и для новых индустриальных стран Азии.

С чем же связана значительная позитивная роль государства в решении задач догоняющего развития? Возможны два варианта ответа на этот вопрос. Гершенкрон, основываясь исключительно на опыте индустриализации, объяснял ее уровнем отсталости страны: чем сильнее отсталость, тем активнее должно вмешиваться государство непосредственно в хозяйственный процесс. По мере преодоления отсталости роль государства может несколько ослабевать, оно, скажем, уступает место банкам, как это было в относительно более развитой Германии¹⁷. Другой ответ на вопрос о масштабах государственного вмешательства связан с опытом последних десятилетий XX в.; он позволяет предположить, что роль государства в немалой степени зависит и от этапа общественно-экономического развития, существенно различаясь в индустриальном и постиндустриальном мире. На этой стороне дела остановимся подробнее.

Отличие позитивной роли государства в индустриальном и постиндустриальном мире связано в первую очередь с характером производительных сил той или иной эпохи. Их качественное различие, о котором шла речь в предыдущем разделе, предопределяет расхождение (точнее, противоположность) принципов поведения государственной власти в области решения задач технологического прорыва. В индустриальном обществе центральным вопросом государственной политики является концентрация ресурсов на прорывных направлениях технического прогресса, мобилизация всех сил и средств, доступных данному обществу. Принципиально иной уровень технологической неопределенности делает такого рода политику в постиндустриальном обществе невозможной и неэффективной. Вместо концентрации ресурсов главной задачей становится обеспечение максимальной адаптивности общества и каждого экономического агента, создание такой политической и правовой среды, в которой все они ориентированы на активное выявление и максимально полное удовлетворение интересов и потребностей своих контрагентов (друг друга).

Определим набор экономико-политических условий, способствующих, как нам представляется, решению задач догоняющего развития в постиндустриальном обществе. Иными словами, речь пойдет о некотором перечне позитивных аспектов государственной политики в современном мире.

¹⁷ Gerschenkron A. Europe in the Russian Mirror, p. 123.

Политический режим. Прежде всего встает вопрос об обеспечении политической стабильности и адекватности политического режима стоящим перед данной страной задачам. Экономистами и политологами подробно проанализирована связь между социально-экономическим и политическим развитием¹⁸. Но, по-видимому, существует также связь между уровнем социально-экономического развития общества и политическим режимом, наиболее благоприятным для преодоления разрыва с наиболее развитыми странами. Иными словами, тип решаемых задач связан определенным образом с этапом (уровнем) социально-экономического развития, и поэтому политический режим, оптимальный для догоняющей индустриализации и постиндустриализации, должен различаться.

Достаточно очевидно, что если индустриальный прорыв отсталых стран требовал авторитарных режимов, способных сконцентрировать силы и средства на приоритетных направлениях, то постиндустриальный прорыв возможен лишь в условиях устойчивой демократии. В работах последнего десятилетия было показано, как и почему экономический рост формирует общую основу для утверждения политической демократии и гражданских свобод¹⁹. Однако в обществе, развитие которого основано на движении информационных потоков и индивидуализации потребностей, не менее важна и обратная связь: для современного экономического роста нужны соответствующие политические предпосылки – институты, гарантирующие свободу (политическую, интеллектуальную) и собственность (опять же не только и даже не столько на материальные продукты, сколько интеллектуальную собственность).

Обеспечение адаптивности общества предполагает раскрытие творческой активности всех агентов и вряд ли достижимо при подавлении их инициативы – как экономической, так и политической. Свобода творчества, свобода информационных потоков, свобода включения индивидов в эти потоки является важнейшей предпосылкой прорыва. Иными словами, необходимо создание политических и экономических условий, благоприятных для развития в стране интеллекта. Перефразируя известный штамп советских времен, можно сказать, что *свобода превращается в непосредственную производительную силу общества*. В настоящее время (на современном этапе развития производительных сил) связь адаптивности и либеральной демократии выглядит достаточно очевидной.

Еще одно политическое обстоятельство, которое должна обеспечивать власть и которое является важным при любом типе догоняющего развития, состоит в поддержании консенсуса (единства взглядов) по базовым принципам и ориентирам развития между основными группами и социальными слоями, особенно в рамках политической, хозяй-

¹⁸ Huntington S. The Third Wave; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. London and New York, Routledge, 1997; Мау В. Экономическая реформа сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999.

¹⁹ Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven and London: Yale University Press, 1966, p. 445-453; Huntington S. The Third Wave, p. 61-63.

ственной и интеллектуальной элиты страны. Речь идет о необходимости формирования и поддержания общности представлений элиты о желательных направлениях и перспективах национального развития.

Собственность. Формирование адекватной системы отношений собственности является еще одной фундаментальной задачей власти. Применительно к постиндустриальному обществу речь должна идти о гарантиях прав частной собственности, что непосредственно связано с обеспечением условий для творческой личности. Это достаточно общее утверждение должно находить реализацию в ряде конкретных аспектов функционирования отношений собственности.

Особую сложность здесь представляют проблемы функционирования и обеспечения прав интеллектуальной собственности. Достаточно распространено предположение о том, что обеспечение строжайшего соблюдения прав интеллектуальной собственности является одним из главных условий постиндустриального прорыва. Вместе с тем есть и работы, отстаивающие противоположный тезис: быстрый рост в мире постиндустриальных ценностей требует максимально полного снятия ограничений на движение информации, а значит и отказа от права частной собственности на продукты интеллектуального труда.

Пока эта дискуссия носит довольно умозрительный характер и нуждается в дополнительном серьезном исследовании и обсуждении. В данной статье мы можем лишь обозначить эту проблему, но никак не разрешить ее. (Да и вообще она вряд ли имеет теоретическое решение, а требует исследования практического опыта успешной догоняющей постиндустриализации, которого еще нет). Пока же максимум, что мы можем, так это высказать некоторое предположение: можно допустить, что для стран – пионеров постиндустриализации защита прав интеллектуальной собственности была весьма важна (или даже играла критическую роль), тогда как для догоняющего развития в эту эпоху значительную роль играют простота и максимальная доступность информационных ресурсов (сведений о новых явлениях и технологиях). Тем более что сроки эффективного использования нового знания резко сокращаются из-за ускорения научно-технического прогресса и распространения информации.

Экономическая свобода. Политическая свобода в постиндустриальном мире неотделима от свободы экономической. Статистическим показателем, более или менее адекватно отражающим уровень экономической свободы, может служить бюджетная нагрузка в ВВП. Вывод о необходимости обеспечения достаточно низкой бюджетной нагрузки (порядка 20–25% бюджета расширенного правительства в ВВП) для достижения высоких темпов роста остается предметом дискуссии с точки зрения как адекватности его измерения, так и применимости данного индикатора в динамическом анализе (ускоряется ли рост при снижении бюджетной нагрузки?)²⁰. Анализ существующего (хотя

²⁰ Илларионов А. Экономическая свобода и благосостояние народов. – Вопросы экономики, 2000, № 4; Мау В. Либерализм всерьез и надолго. – Эксперт, 2000, № 11; Фридман Л., Видясов М., Мельянец В. Государственные расходы (потребление) и экономический рост. М.: РЭШ, 1998.

и достаточно ограниченного) опыта развития постиндустриального мира позволяет сделать пока лишь два вывода.

Во-первых, для решения задач догоняющей постиндустриализации бюджетная нагрузка должна быть, по-видимому, ниже, чем у стран-пионеров. В этом состоит существенное отличие от догоняющей индустриализации, для которой характерна более высокая концентрация ресурсов в бюджете именно догоняющих стран. Более низкая бюджетная нагрузка коррелирует с высокой технологической и экономической неопределенностью: относительно большие ресурсы должны оставаться в руках частных субъектов экономической жизни.

Во-вторых, бюджетная нагрузка является проблемой не только количественной, но и структурной. Важны не только цифры, характеризующие масштабы государственного вмешательства, но и направления использования этих средств. Так, более развитая система образования является важнейшим фактором постиндустриализации, а это требует соответствующих государственных расходов.

Заемствование институтов. Догоняющее развитие предполагает формирование новой системы институтов. Сложность, однако, состоит в невозможности прямого и однозначного заимствования институтов, сформировавшихся в странах-пионерах. Некоторые из этих институтов играют, так сказать, универсальную роль, то есть важны для устойчивого функционирования любого развитого общества. Но далеко не все они способны играть однозначно позитивную роль в преодолении разрыва в социально-экономическом развитии. В ряде случаев институт, доказавший свою эффективность в развитом обществе, может быть тормозом на пути ускоренного развития отсталой страны. И напротив, вроде бы устаревшие институты подчас играют роль фактора, ускоряющего рост. Наконец, далеко не всегда институты, вроде бы способные обеспечить экономический рост, приживаются в иной социальной или культурной среде.

В общем плане можно разграничить: (1) институты, важные для устойчивого функционирования экономики в современном обществе; (2) институты, характерные для развитого общества, но препятствующие решению задач догоняющего развития; (3) институты, отсутствующие в передовых странах, но обеспечивающие решение задач догоняющего развития. Это разграничение весьма условно. На разных этапах экономического развития и в разных странах значение отдельных институтов может быть прямо противоположным. Наиболее яркими примерами являются частная собственность и конкуренция, ограничение которых было типично для догоняющего развития в эпоху зрелого индустриализма, тогда как в постиндустриальном обществе гарантии частной собственности и стимулирование конкуренции оказываются (или могут оказаться?) важными факторами прогресса.

Существует еще одна особенность формирования институциональных предпосылок догоняющего развития, на которую обратил внимание Гершенкрон применительно к России эпохи ускоренной индустриализации. Он отметил возможность использования старых социально-экономических форм при вкладывании в них нового содержания. В качестве примера такой политики приводится роль русской общины в сравнении с аналогичными институтами в странах более ранней индустриализации.

Сравнивая политику А. Тюрго и С. Витте, Гершенкрон замечал, что первый вел решительную борьбу с наследием коллективных форм ведения хозяйства в деревне, тогда как второй активно использовал их в интересах индустриализации. Сохранение общины в предреволюционной России, действительно, вызывало удивление и нередко интерпретировалось как дань важному элементу культурного наследия страны, доминирования в ней “духа общинности”. На самом же деле община как налоговая ячейка общества являлась достаточно эффективным инструментом перераспределения финансовых ресурсов их сельского хозяйства в промышленность через государственный бюджет²¹. Эта линия была продолжена в в рамках сталинской коллективизации. Определенную роль здесь, разумеется, играли и традиции бюрократического государства, которое привыкло решать свои финансовые проблемы через довольно простые институты. В пользу этого вывода свидетельствует и использование аналогичного по своей налоговой сути института – колхозов – в сталинском СССР. Впрочем, пока еще нет достаточных оснований для однозначного вывода об универсальном характере этого феномена применительно к догоняющему развитию в других обстоятельствах²².

Структурная политика. В постиндустриальном мире конкуренция вновь становится значимым фактором экономической жизни, из чего следует вывод об необходимости ограничения роли индивидуальных хозяйственных решений государственной власти (то есть прямого вмешательства государства в хозяйственную жизнь) и повышении роли решений универсальных. Государство должно прежде всего обеспечивать возможность отдельных хозяйственных агентов принимать решения и нести ответственность за результаты их реализации. Иными словами, оно должно жестко поддерживать единые правила поведения.

Индивидуальные решения представляются особенно опасными на начальных стадиях выработки стратегии ускоренного экономического роста. В настоящее время практически невозможно определить реальные сравнительные преимущества данной страны. С высокой степенью вероятности решения по поддержке (даже моральной) отдельных секторов будут вредны, будут оказывать тормозящее воздействие на национальную экономику. Ведь в сложившейся экономической структуре наиболее влиятельными и финансово состоятельными являются, как правило, сектора традиционной экономики, вероятность нахождения которых на острие прорыва мала. Но именно они и обладают наиболее значимым лоббистским потенциалом и смогут навязать государству свои интересы в качестве национальных приоритетов.

Речь не о том, что наиболее эффективные сегодня, *в сегодняшних обстоятельствах* сектора являются источниками заведомо неэффективных решений. Однако очевидно, что самое простое решение для них – получение политической ренты для сохранения благоприятных условий своего функционирования на протяжении максимально длительного периода времени. Государство может поддержать их в

²¹ Gerschenkron A. Continuity in History and other Essays, p. 274.

²² Можно также добавить, что использование старых форм в новых условиях является не столь уж редким феноменом в экономической истории и связано не только и даже не столько с решением задач догоняющего развития. Скажем, хорошо известен пример ранних Стюартов, которые в начале XVII в. пытались возродить в Англии практику принесения рыцарской присяги новому монарху, видя в этом источник дополнительных и независимых от парламента финансовых ресурсов.

этом деле, что приведет к консервации сложившейся структуры и снижению адаптивного потенциала экономической системы. Напротив, если государство сможет максимально устраниваться от прямой поддержки отдельных отраслей и секторов, оно подтолкнет их к поиску новых решений, новых, эффективных сфер приложения капитала.

Подчеркнем еще раз: речь идет об отказе от индивидуальных решений, устанавливающих приоритеты для отдельных отраслей и предприятий. Но отказ от поддержки отдельных секторов и фирм вовсе не отрицает целесообразности поддержки, скажем, экспорта несырьевых товаров (или машиностроительной продукции), то есть поддержки тех, кто способен продемонстрировать свои конкурентные преимущества на внешнем рынке, тем самым доказывая свою эффективность на основе объективных критериев²³.

Отказ от отраслевых приоритетов не означает отказа от приоритетов при принятии экономико-политических (и в том числе бюджетных) решений в принципе. Многочисленные исследования свидетельствуют об исключительной важности вложений в человеческий капитал и особенно в образование и здравоохранение. Этот фактор был весьма важен и в период индустриализации, а в современных условиях его значимость становится просто исключительной. По-видимому, способность государства сконцентрировать ресурсы на развитии образования и здравоохранения выступает одним из важнейших факторов ускорения социально-экономического развития в постиндустриальную эпоху. Причем государственное участие в этом деле играет очень важную роль, поскольку в относительно отсталой стране возможности частных инвестиций в образование являются довольно ограниченными.

В заключение этого раздела обратим внимание на два обстоятельства.

Во-первых, некоторые элементы политики догоняющего развития в постиндустриальную эпоху напоминают политику стран – пионеров экономического роста. И это неудивительно, поскольку в настоящее время вновь резко возрастает неопределенность экономического и технологического прогресса. Это в значительной мере объясняет и схожесть практических рекомендаций, в центре которых вновь оказываются обеспечение адаптивности частных агентов, отказ от излишней централизации и ограничение прямого вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Хотя в одном отношении ситуация все-таки существенно отличается от XVI–XVIII вв.: мы знаем об этой неопределенности, тогда как на заре промышленной революции мало кто о ней мог даже догадываться.

Во-вторых, принципиальное значение, как и триста лет назад, приобретает адаптивный потенциал системы по сравнению с любыми ее количественными характеристиками. А это и предъявляет важные и довольно специфические требования к принципам политической и экономической организации общества, решающего задачи сокращения разрыва со странами постиндустриального мира.

²³ Отдельный вопрос – формы и механизмы этой поддержки. Разумеется, речь не должна идти о прямой бюджетной помощи или иных формах нерыночной конкуренции.

Контурь политики догоняющей постиндустриализации применительно к современной России

Определяя стоящую перед современной Россией задачу как догоняющую постиндустриализацию, мы создаем лишь общую основу для формирования стратегии социально-экономического прорыва. А это – исключительно сложная проблема, не имеющая к тому же окончательных решений. Точнее было бы сказать, что она может решаться, но теоретически никогда не может быть решена. Зато может быть реализована на практике, если постиндустриальный прорыв будет когда-нибудь осуществлен.

Модели роста. В центре дискуссий о желательной экономической политике в настоящее время стоит вопрос о роли государства. Такая постановка проблемы не только соответствует традиционным российским (и советским) представлениям о важности государства для решения крупных экономико-политических проблем, но и является значимой по существу: как было показано выше, деятельность государства, действительно, служит одним из главных факторов решения задач догоняющего развития.

В настоящее время существуют четыре подхода к решению задачи достижения ускоренного экономического роста и определению роли государства в этом процессе.

Во-первых, характерная для левых сил *этатистская модель*, в соответствии с которой государство является основным хозяйственным субъектом и только оно может взять на себя ответственность за инвестиционные процессы. Предполагается максимальная концентрация финансовых ресурсов в руках государства (прежде всего ренты и экспортной выручки) и перераспределение их в направлении национальных приоритетов. Не менее важен в этой модели протекционизм как способ защиты отечественного производителя от конкуренции более сильных иностранных фирм. Таким образом, эта модель предполагает проведение активной “промышленной политики” в традиционном (отраслевом) значении данного термина.

Во-вторых, *повышение инвестиционной (и вообще организаторской) роли конгломератов крупнейших фирм* – финансово-промышленных групп (ФПГ) или интегрированных бизнес-групп (ИБГ). Считается, что такие образования обеспечивают концентрацию ресурсов (финансовых, интеллектуальных), а также снижение транзакционных издержек (благодаря объединению финансовых, производственных и исследовательских организаций).

В-третьих, подход, предполагающий *резкое сокращение бюджетной нагрузки на экономику*, приведение ее в соответствие с параметрами, характерными для стран аналогичного уровня экономического развития (снижение бюджетной нагрузки с 36–38 до 20–22% ВВП по расширенному правительству).

В-четвертых, рост, основанный на стимулировании предпринимательской деятельности, *на активной политике государства по созданию благоприятных условий для инвесторов* – как отечественных,

так и иностранных. Для этого необходимо формирование адекватной системы институтов, включая соответствующее законодательство и эффективную правоприменительную систему.

Нетрудно заметить, что первые два похода, по существу, могут быть объединены как дирижистские, вторые два – как либеральные. Данные пары внутренне довольно тесно взаимосвязаны, хотя сторонники их в настоящее время ведут активную полемику между собой.

Разумеется, в подобной постановке предлагаемые модели выглядят избыточно абстрактно и порождают гораздо больше вопросов, чем ответов. Однако даже в таком виде к ним применимы критерии решения задач догоняющего развития, которые были рассмотрены нами выше. И с этой точки зрения либеральные подходы в большей мере отвечают вызовам постиндустриальной эпохи.

По-видимому, в современных условиях наиболее естественным и возможным подходом к формированию стратегии экономического развития страны будет определенная комбинация второй, третьей и четвертой моделей.

Процесс формирования вертикальных бизнес-групп в современной России развивается достаточно быстро²⁴. Несомненным достоинством является инвестиционная активность подобных образований, особенно перспектива их вложений в инновационные проекты. Опасность – в формировании субъектов, обладающих мощным политическим влиянием и способных навязывать собственные интересы в качестве национальных. Соответственно перед правительством встает задача использовать преимущества ИБГ и нейтрализовать их недостатки. Последнее прежде всего связано с необходимостью максимальной активизации усилий по вступлению во Всемирную торговую организацию (как источник противодействия монополистическим тенденциям внутри страны) и активизации антимонопольной политики.

Проблема сокращения бюджетной нагрузки пока не имеет однозначного решения. За период 1999–2001 гг. бюджетная нагрузка в ВВП заметно возросла, приблизившись к 39% по расширенному правительству. Эта тенденция вроде бы создает условия для дальнейшего снижения налогового бремени, однако возможности этого снижения не реализуются в полной мере. Отчасти такая позиция власти объясняется конъюнктурным характером части получаемых доходов (высокой мировой цены на товары российского экспорта), отчасти – стремлением поддержать популярность правительства и невысокими темпами структурной реформы бюджетной сферы.

Проведение глубокой реформы бюджетных расходов становится в такой ситуации особенно важным. При проведении этой реформы нужно ориентироваться на решение двух групп задач:

– во-первых, на обеспечение бюджетного маневра в направлении концентрации бюджетных ресурсов в отраслях, которые обеспечивают устойчивое функционирование политических институтов, способствующих минимизации транзакционных издержек (госаппарат, судебная и правоохранительная системы, армия), а так-

²⁴ См. подробнее: Дынкин А., Соколов А. Интегрированные бизнес-группы – прорыв к модернизации страны. М., 2001.

же в направлении вложений в человеческий капитал (прежде всего в образование, здравоохранение и науку);

– во-вторых, с макроэкономической точки зрения следует ориентироваться на некоторое снижение относительной бюджетной нагрузки (в долях ВВП) при повышении объемов доступных бюджетных ресурсов (что вполне естественно в условиях экономического роста).

Стратегия *формирования системы институтов* (правил игры), необходимых для догоняющего развития, является справедливой, но весьма общей постановкой задачи. О каких именно институтах должна идти речь? С точки зрения политической, по-видимому, необходимо сохранение демократических институтов и принципов, по крайней мере, зафиксированных в Конституции РФ 1993 г. Иными словами, речь может идти об институтах, характерных для наиболее развитых стран мира (хотя и с необходимыми поправками на постреволюционные особенности развития страны).

С точки зрения экономической ситуация выглядит гораздо сложнее. Пока нельзя сделать однозначный вывод о том, в какой мере имплантация институтов стран – пионеров постиндустриализации способствовала бы решению задач догоняющего развития России. Во-первых, сами эти институты существенно различаются по странам (если сравнить, например, США и ЕС). Во-вторых, копирование институтов означало бы перенос в догоняющую страну принципов, предполагающих существенное изъятие ресурсов, которые могут быть направлены на решение задач догоняющего развития (прежде всего это касается социальной политики). Однако, в-третьих, адаптация ряда институтов обеспечивала бы интеграцию России с наиболее развитыми странами (скажем, ЕС), что стало бы дополнительным фактором сокращения разрыва.

Экономической политике и в еще большей степени хозяйственной практике только предстоит отвечать на возникающие в этой связи вопросы. В первом приближении можно высказать предположение, что институциональная система современной России может формироваться с учетом опыта ЕС, однако при обеспечении существенно более низкой бюджетной нагрузки. С одной стороны, это позволило бы воспользоваться некоторыми преимуществами глобализации и участия в общем европейском рынке, с другой – не допустить избыточного бюрократического (и социального) давления на экономический потенциал страны. Но это предполагает тщательный анализ институциональной системы наиболее развитых стран и разграничение институтов, уместных и неуместных для адаптации в современной России по критерию решения задач догоняющего развития. Достаточно очевидно, что допустима адаптация тех институтов, которые не предполагают увеличение бюджетной нагрузки или ограничение возможностей инновационной деятельности частных агентов.

Признавая, что задачи ускоренного роста в реальности могут решаться с помощью комбинации подходов, основанных на адаптации современных институтов при ограничении реальной бюджетной нагрузки на экономику и использовании преимуществ интегрированных бизнес-групп, необходимо еще раз сказать *об опасности на-*

вязывания стране каких бы то ни было отраслевых приоритетов. Подобные попытки в настоящее время нередко предпринимаются, в том числе и экономистами либерального направления.

Весьма сложной проблемой является формирование государственных мер по стимулированию *структурных сдвигов* путем воздействия на условия производственной деятельности. Прежде всего это касается валютного курса и тарифов на услуги инфраструктурных отраслей (особенно энергетических). Политика плавного укрепления рубля, так же как и сдерживания роста тарифов, облегчает положение отечественных товаропроизводителей в их конкурентной борьбе за потребителя. В то же время это воспроизводит искусственный разрыв между правилами игры отечественных и зарубежных производителей и ведет к консервации сложившейся структуры, ограничивает стимулы к нововведениям. Самым простым способом разрешения данного противоречия было бы постепенное, по мере роста производительности труда сближение данных цен со среднемировыми (или достижение сопоставимости с мировыми). По-видимому, в этом направлении ситуация и будет развиваться, поскольку существует объективная тенденция сближения национальных и мировых условий хозяйствования при сохранении достаточного уровня открытости экономики страны.

Несомненным сравнительным преимуществом России является *высокий образовательный уровень* ее населения, особенно в сравнении с уровнем экономического развития страны. Причем данный фактор важен не только с точки зрения достигнутого в прошлые десятилетия уровня образования, но по причине отчетливо демонстрируемой населением готовности инвестировать в этот сектор значительные частные средства. Социологические обследования свидетельствуют, что россияне готовы инвестировать в образование не только значительно больше, чем граждане стран с аналогичным уровнем среднедушевого дохода, но и стран с гораздо более высоким уровнем доходов.

Иными словами, развитие системы образования должно находиться под постоянным пристальным вниманием государства – с точки зрения как бюджетных расходов, так и формирования современных институтов (включая стимулирование частных вложений в образование). Повышение эффективности этого сектора может в ближайшее время стать предметом консолидации национальных усилий.

Не менее важными являются и инвестиции в *здравоохранение*. Это весьма сложный сектор, в котором могут эффективно работать как государственные, так и частные средства. Его ускоренное развитие необходимо, по крайней мере, в двух отношениях. Один достаточно очевиден, поскольку здравоохранение обеспечивает воспроизводство “человеческого капитала” как важнейшего фактора постиндустриального роста. Другой аспект связан с технологическими особенностями здравоохранения как сферы деятельности: этот сектор тесно связан со многими высокотехнологичными секторами промышленности и сферы услуг, а потому вложения в здравоохранение могут генерировать спрос по длинной цепочке сопряженных отраслей. Причем это будет не искусственный спрос, как нередко бывает с государственными приоритетами, а спрос, ориентированный на реальные по-

требности общества. Можно сказать, что здравоохранение может сыграть ту же роль для постиндустриального роста, что и железнодорожное строительство для роста индустриального.

Разумеется, акцент на секторе услуг не означает забвения других относительно перспективных секторов, к которым относятся, например, автомобилестроение и самолетостроение. Однако надо отдавать себе отчет в том, что при всей важности развития этих секторов (с политической, технологической и социальной точек зрения) они вряд ли станут точками прорыва в постиндустриальную систему координат.

Обеспечение открытости российской экономики является существенным фактором движения в направлении постиндустриализации. Причем тезис об открытости как факторе ограничения монополистических тенденций и стимуле к инновационной деятельности корпораций – лишь один из аспектов этой проблемы. Именно на постиндустриальный прорыв, а не на примитивную защиту “отечественных производителей” должны быть нацелены переговоры по присоединению к ВТО, а затем и по вопросам формирования общего европейского экономического пространства. Соответствующие меры должны быть ориентированы не на защиту неэффективных отраслей, а на обеспечение проникновения на мировые рынки перспективных производств и высокотехнологичных услуг. Такой подход предполагает принципиально иное, нежели теперь, представление о том, зачем России нужно участие в ВТО.

Сказанное, в частности, относится и к перспективам аграрного сектора. Российское сельское хозяйство способно конкурировать на мировых рынках (при некотором дополнительном развитии инфраструктуры). Этот сектор даже формирует поле для новых политических решений: в ходе переговоров по ВТО Россия могла бы пойти на решительное сближение со странами так называемой “Кайенской группы” (стран с низким уровнем защиты сельского хозяйства, в которую входят, например, Австралия и Новая Зеландия).

Укрепление институтов государственной власти, хотя и выходит за рамки экономической сферы, также приоритетно с точки зрения перспектив вхождения в постиндустриальное общество. Здесь необходимы реформы:

- судебной системы – повышение эффективности, справедливости и прозрачности судебных решений, без чего любые шаги в области совершенствования экономического законодательства не дадут должного эффекта;
- государственного аппарата (или административная) – преодоление коррупции, повышение эффективности его деятельности;
- военная, и прежде всего радикальное изменение системы комплектования армии с выходом на контрактную армию в кратчайшие сроки: можно забыть о постиндустриальном рывке, если талантливая молодежь будет тратить силы на уклонение от службы в армии и тем более уезжать по этой причине учиться и работать за границу.

При разработке концепции ускоренного постиндустриального роста нередко возникают предложения о разработке *долгосрочной программы (или стратегического плана) социально-экономического развития страны*. В принципе внимание к долгосрочным перспекти-

вам развития страны совершенно естественно, особенно после длительного периода глубокой трансформации общества и экономико-политической нестабильности. Однако преувеличение роли такого рода документа чревато существенными негативными последствиями. Превращение его в сколько-нибудь официальный государственный план может существенным образом дезориентировать деятельность экономических агентов, подталкивая их к ориентации не на реальные вызовы времени (производительных сил, научно-технического прогресса), а на устанавливаемые властью приоритеты. А это сделает решение задач догоняющего развития в принципе невозможным.

* *
*

Вступление мира в постиндустриальную эпоху выдвигает на первый план вопрос о специфике догоняющего развития в новых обстоятельствах. И, похоже, Россия стала первой страной, которой предстоит решать эту задачу. Во всяком случае, проблема догоняющего развития представляет несомненный интерес для российской элиты и вообще для значительной части российского общества.

Вопрос о том, в какой мере в принципе возможно решение задач догоняющего развития всегда остается открытым. Анализ разрывов в социально-экономическом развитии отдельных стран в различные эпохи неоднократно подталкивал к выводу об “отставании навсегда”. Тем не менее до сих пор задачу преодоления отсталости отдельным странам удавалось решить. Хотя надо признать, что опыт прошлого не может быть однозначно транслирован в будущее: принципиально нельзя исключить ситуацию, когда отставание окажется непреодолимым – во всяком случае, в обозримом историческом периоде. Поэтому возможность догоняющего развития надо каждый раз доказывать на практике заново. И уж точно никогда невозможно четко исходно сформулировать, что именно надо сделать для решения задач догоняющего развития. Понятно, что система должна быть восприимчива к обретению механизмов ускоренного роста, но, как справедливо заметил М. Абрамович, “проблема состоит в том, что никто не знает, в чем они состоят и как их измерить”²⁵. Можно обсуждать разные механизмы ускоренного развития, можно более или менее четко формулировать, чего не следует делать, что препятствует экономическому росту. Однако реальный экономический прорыв становится результатом взаимодействия очень большого числа факторов, очень конкретного стечения обстоятельств, плохо поддающихся однозначной интерпретации *a priori*. Тем самым с уверенностью можно сказать лишь одно: секрет экономического прорыва известен только экономическим историкам будущего.

²⁵ Abramovitz M. Thinking about Growth, p. 222.